

**ОСЕННЕ-ЗИМНИЕ ВЫБОРЫ ГЛАВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
ВЛАСТИ В РЕГИОНАХ: СЦЕНАРИИ ПЕРЕМЕН****В.А.Колосов, Р.Ф.Туровский**

КОЛОСОВ Владимир Алексеевич, доктор географических наук, руководитель Центра геополитических исследований Института географии РАН; ТУРОВСКИЙ Ростислав Феликсович, кандидат политических наук, эксперт Центра политических технологий.

К середине января 1997 г. губернаторские выборы закончились в 47 регионах из 52, в которых они были намечены (в Тульской и Кемеровской областях голосование отложено). В трех субъектах РФ предстоят повторные выборы — в Агинском Бурятском АО, Амурской области и Эвенкийском АО. Лишь 23 прежних главы исполнительной власти сумели добиться переизбрания: яркое свидетельство того, что даже мощных административных рычагов, сосредоточенных финансовых ресурсов, контроля над местными средствами массовой информации и властной вертикалью, которыми обычно обладает действующий губернатор, еще недостаточно для победы. Одновременно такой исход голосования говорит о недовольстве избирателей социальной ситуацией в регионе в целом и работой региональных властей как таковых.

ОБЩИЙ БАЛАНС ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ИТОГОВ

По экспертной оценке авторов, наиболее частым исходом выборов, как видно из табл. 1, были победы представителей "партии власти" в "лояльных" к ней регионах (14) и оппозиционеров — в "оппозиционных" (10). В данном случае лояльность, оппозиционность и "маргинальность" (нейтральность) электората и локальных администраторов по отношению к центральной исполнительной власти авторы интерпретируют как своего рода ориентацию политической культуры соответствующего субъекта Федерации.

Таблица 1 Региональные политические "культуры" и итоги губернаторских выборов

"Лояльные" регионы	"Маргинальные" регионы
14	6
4	2
5	2

Проводить прямые параллели между парламентскими, президентскими и губернаторскими выборами трудно: голосуя за кандидата в главы местной власти, избиратели руководствуются прежде всего его образом "хозяина" региона, поэтому "оппозиционеры" вполне могут проголосовать за кандидата, поддерживаемого Москвой, и, наоборот, "реформаторы-демократы" (хотя и с меньшей степенью вероятности) — отдать свой голос за кандидата, не очень желательного для федерального Центра. К тому же явка на президентских выборах, да и на декабрьских (1995 г.) выборах в Государственную думу была значительно выше, чем на губернаторских, что, как правило, работало против лояльных центральной власти сил. Тем не менее, при всех необходимых оговорках, сравнение итогов последних выборов показывает, в какой мере действовала закономерность: "лояльный" регион одобряет деятельность губернатора, а "оппозиционный" — опротестовывает легитимность президентского назначения.

Таблица 2

Корреляции результатов губернаторских выборов и голосования на выборах в Государственную думу (1993, 1995 гг.) и президента РФ (1996 г.)

кандидатов "партии власти"	Б Ельцина в 1 туре	-0,45
0,36	Г Зюганова в 1 туре	0,53
-0,34	центристские и правые партии в 1995 г	-0,46
-0,12	центристские и правые партии в 1993 г	-0,29

Как видно из табл. 2, хотя голосование на губернаторских выборах носило персонифицированный и "деидеологизированный" характер, между их результатами и итогами выборов в Государственную думу обоих созывов, а также выборов президента РФ обнаруживается весьма заметная корреляция. При этом доля голосов за действовавших на день выборов губернаторов прямо соответствует доле бюллетеней, полученных Президентом в первом туре, когда избиратели голосовали еще "за", а не "против". В то же время количество голосов, отданных за кандидатов НПСР, и за нынешнего президента как в первом, так и во втором турах, находятся в обратной зависимости. Характерно, что из-за высокой компактности и устойчивости настроений в "оппозиционных" регионах как прямые, так и обратные корреляции результатов предыдущих голосований с долей голосов, поданных осенью 1996 г. за кандидатов НПСР, выше. Однако связь между голосованием за левые партии в декабре 1995 г., когда КПРФ торжествовала крупную победу, и за кандидатов НПСР довольно слабая: оппозиция выиграла в некоторых "лояльных" и "маргинальных" (где обычно нет явных лидеров) областях, проиграв при этом сильным кандидатам "партии власти" в регионах, которые считала "своими".

В осенне-зимней кампании по выборам руководителей исполнительной власти субъектов Федерации, которая проходила в 50 регионах, приняли участие 236 претендентов, т.е. в среднем "интенсивность" выдвижения была 4,7 — меньше, чем на парламентских выборах, хотя конкуренция оставалась довольно высокой. Этот показатель в разных регионах существенно различался. В 17 из них, где электорат и региональная элита хорошо структурированы и поделены между основными силами, выдвигалось не более трех кандидатов (в Кабардино-Балкарии был всего один). Здесь отмечалось либо абсолютное превосходство действующего губернатора (президента субъекта Федерации), не имевшего серьезных соперников (как в Кабардино-Балкарии, Коми-Пермяцком, Ханты-Мансийском АО, Еврейской АО), либо жесткая двухполюсность по типу "партия власти" — левая оппозиция (Алтайский край, Амурская, Астраханская, Калужская, Ростовская, Самарская, Саратовская области). В 17 других регионах за ключевой пост боролись четыре-пять, а в 16 случаях — шесть и более претендентов; к примеру, в Камчатской, Мурманской и Брянской областях — по восемь кандидатов, а в Челябинской области их набралось рекордное количество — десять. Высокая интенсивность выдвижения, как правило, отмечалась в тех регионах, где действующий глава администрации был малопопулярен, региональные элиты раздроблены на конкурирующие кланы без явных лидеров общественного мнения.

В некоторых регионах действовали — в соответствии с местными избирательными уложениями — жесткие ограничения при сборе подписей (2 % от общего числа избирателей при фиксированной доле подписей из одного района или города). В результате произошел значительный отсев претендентов, например, в Саратовской и Ростовской областях, где власти поставили электоральный процесс под свой контроль, помогая с подписями и регистрацией "подставным" кандидатам с тем, чтобы в случае снятия кандидатуры конкурента от левой оппозиции губернатор не остался в одиночестве и выборы не были бы отменены (в Саратовской области эту роль играл В.Павлов). В других субъектах Федерации правила сбора подписей были более либерализованы (Краснодарский край, Челябинская область и др.).

Среди соискателей губернаторских постов преобладали "независимые" предприниматели и хозяйственники.. Амбициозный предприниматель уже давно стал активным участником любой российской избирательной кампании. Однако на тех же губернаторских выборах победы добились пока немногие — В.Бутов в Ненецком АО и хозяйственники "с предпринимательским уклоном" Л.Горбенко в Калининградской и В.Цветков в Магаданской областях.

Наиболее сильными оказались все же кандидаты двух других типов — действующие руководители и выдвиженцы НПСР. В 23 регионах из 47 победу одержали действующие губернаторы или президенты субъектов РФ, т.е. эффективность выдвижения претендентов из этой группы составила 48,9%. Кандидаты НПСР выиграли выборы в 16 из 33 регионов (показатель эффективности — 48,5%). Таким образом, "партия власти" и НПСР закончили выборы практически "вничью": им удалось провести почти половину своих первоначальных выдвиженцев. С учетом "вторичных" кандидатов, т.е. тех, на поддержку кого переключились во втором туре, выступление НПСР оказалось более результативным по сравнению с "партией власти". Другое дело, что "вторичные" кандидаты НПСР в меньшей степени привязаны к левой оппозиции, и считать их победы успехом "народных патриотов" можно лишь с большой натяжкой. Все они выиграли выборы только за счет притока левооппозиционного электората (как Л.Горбенко, который в итоге обыграл Ю.Маточкина, приплюсовав почти все голоса, поданные в первом туре за выступившего затем в его поддержку кандидата НПСР Ю.Семенова).

Характерной особенностью выборов стали неудачи "партийных" кандидатов. Наиболее проходной фигурой был либо губернатор — "крепкий, независимый хозяйственник", либо беспартийный кандидат от левой оппозиции, опиравшийся не только на КПРФ, но и на личный авторитет. В отличие от НПСР, центральный компонент этого блока — КПРФ — на выборах выступила не слишком удачно. Члены КПРФ баллотировались в 17 регионах, а выборы выиграли только пятеро — Н.Виноградов, Ю.Лодкин, В.Любимов, Н.Максюта (соответственно — Владимирская, Брянская, Рязанская, Волгоградская области), А.Черногоров (Ставропольский край)*, т.е. показатель эффективности выдвижения кандидатов КПРФ — 29,4%. В 13 регионах выдвигались кандидаты ЛДПР, но победу одержал лишь Е.Михайлов в Пскове (относительно успешно выступили "жириновцы" в Марий-Эл, Ивановской и Читинской областях). Представители АПР и Аграрного союза и близкие к ним баллотировались в четырех регионах, но победил только один — В.Малеев (Усть-Ордынский Бурятский округ).

* Согласно той информации о членстве в КПРФ, которой располагают авторы

Во многих регионах своих кандидатов представляли КРО и организация Александра Лебеда "Честь и Родина". Оценивать эффективность выдвижения "кандидатов Лебеда" сложно, поскольку сам генерал в ходе избирательной кампании менял отношение к некоторым своим сторонникам, а на его имя ссылались многие выбывшие из борьбы претенденты. Были случаи, когда позиции КРО и А.Лебеда расходились (Ставропольский край). К числу успехов генерала можно отнести только победы его брата Алексея Лебеда в Хакасии; кроме того, в Мурманской области победил Ю.Евдокимов, близкий к КРО. Некоторые победители из числа "народных патриотов" могут считаться "кандидатами Лебеда и КРО" "на паях" с КПРФ (В.Кислицын в Марий-Эл, В.Шершунов в Костромской, П.Сумин в Челябинской областях и др.).

И все же "партийные" кандидаты в среднем выступили слабее беспартийных. В нынешней политической ситуации сильные деятели, как правило, стараются не входить в партии, предпочитая роль самостоятельных, не связанных партийными обязательствами политиков, хотя у большинства из них есть и свои симпатии. Из 16 "выдвиженцев" НПСР, выигравших выборы, только пятеро причислили себя, как уже упоминалось, к коммунистам; а один — лидер "Державы". Остальные новоизбранные руководители субъектов РФ — скорее авторитетные политики левой и национально-патриотической ориентации, но — беспартийные. Из проигравших выдвиженцев НПСР большинство как раз состоит в партии, причем нередко возглавляя региональные отделения КПРФ: все нынешние "первые секретари" (их на выборах было шестеро) выборы проиграли.

В ряде регионов, помимо "официальных" кандидатов НПСР, в выборах принимали участие "раскольники", т.е. кандидаты, выдвинутые местными организациями КПРФ самостоятельно. В Амурской, Воронежской и Кировской областях члены КПРФ выдвинулись по собственной инициативе и по сути дела в противовес основным кандидатам НПСР. Альтернативные кандидаты левой

ориентации местами обходили "основных", что свидетельствует о явных ошибках НПСР при их подборе (Усть-Ордынский Бурятский АО, Псковская область). В Тюменской области представителя КПРФ обошел местный лидер РКРП, хотя оба не относились к числу фаворитов. Но все же в большинстве случаев избиратели дружно голосовали за "основного" кандидата (именно таким образом проиграли С.Глотов в Краснодарском крае и В.Кобылкин в Воронежской области). Всего же альтернативные "народно-патриотические" кандидаты баллотировались не менее чем в десятке регионов.

Можно также выделить несколько типов альтернативных основным кандидатов:

— представители властных структур, выдвинутые параллельно действующим губернаторам. В Волгоградской области, наряду с губернатором, баллотировался мэр Волгограда, оба в итоге проиграли, а победил коммунист. В Агинском Бурятском АО электорат разделился пополам между главой окружной администрации и руководителем одного из районов;

— депутаты Госдумы, относящиеся к разряду "лояльных", конкурировали с губернаторами в Тюменской области, Ямало-Ненецком и Эвенкийском АО, но потерпели поражение;

— бывшие губернаторы выступили в четырех регионах, причем в Краснодарском крае сразу двое (Е.Харитонов и В.Дьяконов);

— бывшие вице-губернаторы и представители президента также не прошли: Г.Штин в Кировской области оттеснил губернатора, но занял только второе место, а экс-представитель президента в Архангельской области П.Поздеев — третье место с более чем 20% голосов;

— представители "демократической альтернативы" действующей власти, из числа которых более 10% голосов набрали только А.Федосеев в Коми-Пермяцком АО (единственный серьезный конкурент губернатору) и В.Курочкин в Читинской области.

Таким образом, претенденты, альтернативные основным кандидатам в губернаторы, выступили в основном слабо.

Итоги выборов стали тестом на популярность наиболее именитых политиков в регионах, в первую очередь для действующих глав администраций, и относительное большинство из них, как известно, этого испытания не выдержало. 20—30% голосов, судя по итогам выборов, — тот минимум, который центральная исполнительная власть способна обеспечить с помощью своих организационных и финансовых ресурсов почти вне зависимости от личности губернатора. Однако некоторые руководители не смогли набрать и этого, как В.Соловьев в Челябинской области, Н.Егоров на Кубани (у последнего на повторных выборах 22 декабря не было и 5% голосов), а также признанные избирателями лично ответственными за полный развал местной экономики и социальной сферы В.Десятников в Кировской области и В.Зотин в Марий-Эл. В группу самых непопулярных руководителей вошли бывшие главы администраций, как А.Соболев в Курганской области, В.Шутеев — в Курской, а также председатель правительства Хакасии Е.Смирнов, которым не помогли ни доминирование в СМИ, ни вся мощь административного аппарата: очевидно, им не удалось консолидировать местную элиту, что оттеснило их в аутсайдеры.

С минимальными показателями в 20—30% победили на выборах Ю.Власов во Владимирской области, А.Семернев в Брянской, А.Леушкин в Корякском АО, А.Батагаев в Усть-Ордынском Бурятском АО. В эту группу можно включить и костромского губернатора В. Арбузова, который едва преодолел 30% барьер во втором туре, а также Р.Гениатулина в Чите, выигравшего простым большинством в 31 % голосов. Еще 10 губернаторов набрали в первом туре от 30 до 40% голосов. Таким образом, региональные рейтинги оказались удручающими для большой группы не просто проигравших, но явно малопопулярных глав администраций. Из действующих

руководителей весьма показательного успеха добился только архангельский губернатор А.Ефремов, получивший во втором туре почти 60% голосов.

Что касается выдвиженцев НПСР, то и среди них были явно неудачные кандидатуры. Во многих регионах левая оппозиция предпочла не выставлять кандидатов "для галочки". Но в некоторых случаях олимпийский принцип ("главное — участие") возобладал, и в итоге кандидаты НПСР набрали около 10% голосов (провалы в Пермской, Тюменской, Ивановской, Читинской, Вологодской, Псковской областях). Впрочем, для кандидатов от левой оппозиции, учитывая давление со стороны властей и хронический недостаток средств, результат в 20 и более процентов голосов можно оценивать как высокий. Эту планку преодолели даже проигравшие выборы оппозиционеры в Архангельской, Астраханской, Калининградской, Ростовской, Самарской, Сахалинской, Ульяновской областях, Усть-Ордынском Бурятском АО, Якутии, которые, однако, имеют все возможности остаться влиятельными лидерами общественного мнения.

"Цена" победы почти везде была разной. С самым низким процентом голосов удалось победить не так давно назначенным аграрию В.Малееву из Усть-Ордынского Бурятского АО, сахалинскому "голове" И.Фархутдинову, хотя и им "дышали в спину соперники", а также читинскому губернатору Р.Гениатулину — из-за используемой в этих и некоторых других регионах однотуровой системы выборов: все они получили не более 40% голосов. При одном туре, получив от 40 до 50%, добились преимущества В.Броневиц в Корякском АО, В.Цветков в Магаданской, И.Шабанов — в Воронежской областях, и знаменитый Ю.Горячев — в Ульяновской, причем у последнего отмечено существенное снижение популярности. В целом победу представителей "партии власти" в 11 регионах можно назвать весьма относительной из-за незначительной разницы голосов с их конкурентами. Последние, следовательно, сохраняют значительное влияние в местной политике и высокие электоральные шансы.

В 14 регионах победители смогли заручиться поддержкой 50—60% избирателей — если не в первом туре, то хотя бы во втором. В пяти случаях победа досталась действующим руководителям, в девяти — выиграли представители оппозиции.

От 60 до 70% набрали восемь действующих глав исполнительной власти — В.Чуб, Ю.Неелов, В.Бирюков (второй тур), К.Титов, Г.Игумнов (второй тур), Г.Неделин, А.Назаров, М.Николаев, а от оппозиции — только четверо (Н.Виноградов, В.Сударенков, В.Шершунов и О.Богомолов). От 70 до 80% получили шесть победителей, четверо из которых занимали на момент выборов губернаторское кресло (В.Ишаев, Н.Полуянов, А.Волков, А.Филипенко).

80—90% набрали два представителя "партии власти" — Д.Аяцков и В.Позгалев и рекордсмен этих выборов по доле полученных голосов — самый легитимный, если брать "легальную легитимность" по М.Веберу, губернатор от оппозиции Н.Кондратенко. Почти 100% голосов набрал кабардино-балкарский президент В.Коков, но он баллотировался в одиночестве.

Вообще, как представляется, оппозиции, даже владеющей губернаторским креслом, победа доставалась все-таки тяжелее, учитывая неравенство в объемах располагаемых электоральных ресурсов, которые нередко различались на несколько порядков.

Итак, губернаторский корпус России по итогам выборов в 47 регионах можно разделить на лидеров, получивших более 60% голосов (15), и малопопулярных руководителей, которых поддержало не более 40% (18). 14 человек занимают по количеству голосов промежуточное положение (6 из них "взяли" более 40% только во втором туре), причем в этой группе оказалось большинство проигравших выборы оппозиционеров.

Другим показателем для оценки итогов рассматриваемых выборов может быть величина отрыва победителя от его главного соперника. В трех случаях победителя определял отрыв менее 1 %, и выборы были признаны несостоявшимися. В

Эвенкийском АО и Амурской области с минимальным отрывом выиграли оппозиционеры, что подвигло администрацию на поиск нарушений, которые, естественно, сразу же нашлись. Разрыв составил от 1 до 5% в 4 регионах (Кировская, Магаданская, Мурманская области, Алтайский край), причем везде победили оппозиционеры, еще в пяти случаях он был от 5 до 10%, и в трех таких субъектах РФ удача сопутствовала оппозиции. Отрыв победителя в 30—40% более характерен для 6 регионов, где успешно выступили представители "партии власти". Внушительное расхождение в 40—50% отмечено в двух регионах — "антигубернаторском" и "прогубернаторском". Разница в голосах в 50 и более процентов имела место в 11 регионах, из них оппозиция выиграла только в четырех. Максимальным, не оставляющим никаких шансов конкурентам, был отрыв губернатора Вологодской области В.Позгалева — более 75%.

СОДЕРЖАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ И НЕКОТОРЫЕ ПРОГНОЗЫ

Губернаторские выборы вскрыли весь комплекс противоречий в региональных элитах. Было бы явным упрощением сводить прошедшую кампанию к борьбе "партии власти" со сторонниками "коммунистического реванша". В политический контекст кампании были включены не только идеологические, но и институциональные противоречия (между ветвями власти или между губернатором и мэром областного центра), экономические (в т.ч. столкновения лоббистских группировок), личностные и иные конфликты.

Можно выделить несколько типов, или сценариев, избирательных кампаний, исходя из особенностей в расстановке сил. Наиболее распространенным оказался все же "классический" биполярный сценарий борьбы между "партией власти" и народно-патриотической оппозицией (15 регионов, а также Амурская область). Он был особенно характерен для "красных" регионов России, где действующему губернатору — ставленнику центра — противостоял кандидат левой оппозиции. В 8 таких регионах победа была за оппозицией (Брянская, Владимирская, Воронежская, Калужская, Курская, Челябинская области, Алтайский и Ставропольский края), в 7 — за действующими руководителями (Астраханская, Ростовская, Саратовская, Ульяновская области с сильными позициями КПРФ, Самарская и Сахалинская области и Якутия — относительно менее фрондерские), т.е. прямое столкновение "властей" и "левых" закончилось с небольшим преимуществом оппозиции. Интересно отметить, что в ряде регионов борьбу между собой вели два члена Совета Федерации: губернатору противостоял глава законодательной власти, поддержанный левой оппозицией (Алтайский край, Амурская, Калужская, Владимирская, Воронежская области). Причем во всех случаях победил "законодатель" (правда, в Амурской области успех А.Белоногова был оспорен). Таким образом, борьба "власти" и "оппозиции" отразила реальные противоречия, накопившиеся в результате институционального конфликта ветвей власти в тех регионах, где у законодателей был сильный вождь, на которого ориентировались недовольные исполнительной властью, и группы интересов, оказавшиеся способными мобилизовать избирателей.

В некоторых случаях биполярные выборы, которые выглядели как конкуренция политических сил, на самом деле были борьбой экономических интересов. Самый яркий пример — Сахалин, где левый кандидат представлял интересы местных нефтяников и при этом стремился дистанцироваться от КПРФ. В некоторых регионах левые кандидаты опирались на поддержку аграрного лобби, недовольного сложившейся политикой распределения средств (Алтайский край).

Поддержку местных элит оппозиционеры чаще всего получали в тех регионах, где позиции губернатора были заведомо слабы (Челябинская область и Краснодарский край в декабрьском раунде выборов). Такая поддержка нередко была решающей, а ее отсутствие не дало возможности для победы А.Гордееву в Саратовской области, В.Романову — в Самарской и даже такому известному претенденту, как ростовчанин Л.Иванченко. Оппозиция победила в прямом столкновении с властью и там, где за ее кандидатов открыто выступала местная законодательная власть (А.Суриков, В.Сударенков, Н.Виноградов, И.Шабанов), или же там, где кандидаты изначально пользовались популярностью среди избирателей

(Н.Кондратенко, Ю.Лодкин, А.Руцкой, А.Черногоров, П.Сумин). В свою очередь, консолидация местных элит не дала шансов на победу "левым" (Саратов, Ростов, Самара, Астрахань, Ульяновск, Якутия). Исключением стал Ставропольский край, где КПРФ нашла оригинальное решение, сделав ставку на молодого А.Черногорова, который, несмотря на давление со стороны администрации, сумел обыграть "опытного хозяйственника" П.Марченко.

Выборы продемонстрировали также довольно высокие возможности консолидации антигубернаторской оппозиции. Многие оппозиционные кандидаты сумели выступить в роли "фигур общественного согласия" и/или лидеров голосования "протеста". Им удалось привлечь группировки элиты, заинтересованные в смене губернатора, покровительствовавшего иным структурам. Именно в таком блокировании иногда состояла вся суть превращения оппозиционного кандидата в фаворита избирательной кампании. Показательным случаем такого рода стала Ленинградская область. Победе В.Густова способствовали крупные коммерческие структуры и местные политики реформаторского крыла. События в Ленинградской области все же выбиваются из стандартного ряда двухполюсных выборов между "партией власти" и левой оппозицией. Здесь такая система окончательно трансформировалась в противостояние властной элиты и разнообразной системной контрэлиты, объединившей всех противников губернатора. Аналогичная ситуация могла бы возникнуть на Сахалине, но там процесс консолидации контрэлиты не зашел столь далеко, и выборы прошли по обычному сценарию противостояния двух сил с той лишь разницей, что оппозиционер имел свои частные экономические интересы. В том же направлении развивались события в Челябинской области, во втором раунде выборов в Краснодарском крае, но там П. Сумин и Н.Кондратенко, в отличие от В.Густова, в итоге предпочли остаться в привычной для себя роли "народно-патриотических оппозиционеров".

Во множестве регионов левая оппозиция оказалась выключенной из борьбы, поскольку не имела сильных кандидатов и не обладала достаточной популярностью. Но в этих случаях против главы исполнительной власти выступили контрэлитные группировки, руководимые экономическими интересами, либо связанные с альтернативными представителями "партии власти". Такой сценарий оказался характерен для 12 регионов, где вызов губернатору чаще всего бросал предприниматель или хозяйственник современного типа, игравший роль более динамичного, более "современного" политика (Магаданская, Пермская, Тюменская области, Еврейская АО, Ненецкий округ). Но победу в большинстве случаев одерживала действующая власть по преимуществу за счет существенно большего объема ресурсов по сравнению с соперниками. Одолеть ее смогли только активно выступавший на местной политической сцене В.Цветков из Магаданской области и предприниматель В.Бутов из Ненецкого АО, сенсационно победивший недавно назначенного губернатора В.Хабарова.

Сценарий противостояния власти и "неоппозиционного" кандидата реализовался еще в нескольких регионах, где в роли "противовеса" выступал либо бывший руководитель региона, не идентифицируемый с левой оппозицией (Корякский, Чукотский АО), либо известный депутат Госдумы и бывший мэр одного из городов региона (Ямало-Ненецкий АО), либо лидер местных демократов (Коми-Пермяцкий АО). Как правило, борьба претендента от "партии власти" и его "неоппозиционного" конкурента заканчивалось поражением последнего (исключения — Корякский и Ненецкий АО и Магаданская область).

Как видно, левая оппозиция в тех регионах, где у нее было влияние, противостояла власти, мобилизовав своих избирателей, гораздо эффективнее, нежели предприниматели или представители "лояльных" контрэлит, пытавшиеся сыграть роль оппозиции на севере и востоке страны, т.е. в регионах с низкой популярностью КПРФ. Специфическая ситуация сложилась в Ивановской области, где основными соперниками оказались губернатор и представитель ЛДПР. Действующий глава администрации, как и ожидалось, одержал уверенную победу. В 10 регионах в соперничество "партии власти" и левой оппозиции активно вмешивалась "третья сила", в результате чего предвыборная борьба становилась "трехполюсной", стимулируя соответствующее расслоение электората. Роль "третьей силы", как

правило, играл известный хозяйственник или предприниматель, нередко поддержанный определенными группировками в федеральном центре, которые стремились поменять одного "лояльного" кандидата на другого. В Калининградской области в таком качестве выступил уже упоминавшийся начальник рыбного порта Л.Горбенко, в Кировской — лидер Союза хозяйственных руководителей, бывший первый вице-губернатор Г.Штин, в Курганской — хозяйственник А.Колташов. В Рязанской области официальная Москва была готова поддержать не только губернатора И.Ивлева, но и бывшего председателя облизполкома В.Калашникова, в Костромской — сначала мэра Костромы Б.Коробова в противовес губернатору В.Арбузову, а когда последний отказался от участия в выборах, лояльный Центру электорат был дезориентирован, отойдя частично к лидеру Союза предпринимателей Н.Романову.

Примечателен итог вышерассмотренных "трехполюсных" кампаний: в 7 регионах победу одержал кандидат левой оппозиции (в т.ч. в Рязанской и Волгоградской областях, где боролись поощряемые Москвой два кандидата-"реформатора"). В трех регионах победила "третья сила", но только в Адыгее выиграл действующий руководитель!

"Трехполюсное" разделение электората, но несколько иного рода, сложилось еще в ряде регионов. В Усть-Ордынском Бурятском АО место губернатора оспаривали действующий глава администрации, коммунист и аграрий. В Марий-Эл в борьбу "партии власти" и НПСР успешно вступил депутат Госдумы от ЛДПР. А в Хакасии, где не было кандидатов от НПСР, конкурировали тогдашний председатель ее правительства, крупный хозяйственник-угольщик и депутат А. Лебедь, который, как можно предположить с большой долей уверенности, выражал интересы еще одной экономической группировки — алюминиевой.

При "трехполюсной" ситуации нередко действующий руководитель терпел поражение уже в первом туре: В.Десятников в Кировской области, А.Соболев — в Курганской, Е.Смирнов — в Хакасии, В.Зотин — в Марий-Эл.

Наконец, в ряде регионов из-за наличия сразу нескольких перспективных кандидатов имела место "борьба всех против всех". Так было в Мурманской, Псковской и Читинской областях, где выборы продемонстрировали отсутствие явных лидеров.

Среди факторов, определяющих результаты голосования, зачастую преобладала персональная популярность претендента, о чем свидетельствует несовпадение результатов губернаторских и президентских выборов. Например, во Владимирской и Челябинской областях бывшие губернаторы утратили кредит доверия избирателей, и оппозиционеры смогли стать лидерами антигубернаторского голосования. Многие кандидаты НПСР довольно успешно работали на центристском и умеренно-либеральном поле и сумели в какой-то степени стать фигурами "регионального согласия", чему способствовали именно их личные качества и известность (речь идет, например, о П.Сумине, Н.Кондратенко, Н.Виноградове, А.Руцком, В.Шершуневе).

Действующие губернаторы, напротив, смогли привлечь значительную часть левого электората. Многие из них не ассоциировались с либералами-реформаторами, и, используя имидж "прагматика-хозяйственника", отнимали голоса у кандидатов НПСР. Кроме того, на выборах в ряде регионов ярко проявились "конформистские" настроения части сельского электората, более склонного на местных выборах голосовать за действующую местную власть, например, в Ульяновской области и Адыгее (поддержавших ранее на президентских выборах Г.Зюганова).

И другие обстоятельства подтверждают важность личного авторитета баллотировавшегося главы исполнительной власти и его основного соперника для исхода осенне-зимней электоральной кампании 1996—1997 гг. Это персональное влияние зачастую опрокидывало все расчеты, основанные на итогах парламентских и президентских кампаний, учитывающие в том числе и соотношение либерально-реформаторской и левооппозиционной частей регионального электората.

Проигрывали (в Хакасии, Краснодарском и Ставропольском краях, Мурманской и Рязанской областях) либо побеждали с минимальным преимуществом (Читинская область) те местные руководители, которые не имели опыта публичной политики и/или участия в выборах. Кандидат, известный лишь своей оппозиционностью, также не имел шансов на успех даже в субъектах РФ с выраженными оппозиционными настроениями (вроде Ивановской области). Кроме того, обращает на себя внимание близость результатов рассматриваемой электоральной кампании и выборов 1993 г. в Совет Федерации: слабо показавшие себя три года назад главы администраций проиграли и нынешнее свое губернаторство.

Вместе с тем, из факторов, оказавших заметное влияние на исход выборов глав исполнительной власти, ни в коем случае нельзя исключить традиционно сложившиеся в регионах политические предпочтения, которые проявлялись в кампаниях федерального уровня в преимущественном голосовании за левопатриотические или либерально-реформаторские партии и движения. В большинстве "продемократиче-ских" регионов России левая оппозиция своих "чистых" кандидатов просто не выставляла (как в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО, Камчатской области), либо эти кандидаты заведомо проигрывали (Архангельская, Пермская области), за исключением Челябинска, даже тем претендентам, чья практика управленца не котирировалась. Напротив, в "красных" регионах страны кандидаты КПРФ с минимальным управленческим опытом (Брянская область, Ставропольский край) или "слабые" претенденты типа лидера ульяновских коммунистов А.Кругликова добивались неожиданно высоких показателей.

Важное влияние на выборы оказала сплоченность региональной властной и хозяйственной элит, сосредоточивших в своих руках все рычаги электорального процесса, что в ряде регионов с развитыми оппозиционными настроениями позволило уверенно выиграть действующим руководителям. И наоборот, при расколе местных элит губернаторы терпели крупные поражения (как в Краснодарском крае).

Необходимо также отметить роль коалиционности. На выборах чаще всего побеждала коалиция, иногда весьма разнородная. Претендентов, как правило, поддерживал широкий спектр политических сил и экономических группировок. Особенно ясно значение коалиции было видно во втором туре, когда проигравшие первый кандидаты объединялись вокруг основного соперника губернатора, что позволяло тому выиграть выборы, даже если при первой баллотировке оппозиционер отчетливо занимал второе место (соотношение выигравших и проигравших второй тур губернаторов 4:10).

В сложных для оппозиции регионах ее кандидатам приходилось создавать максимально широкие коалиции и выходить из образа "чисто левого" кандидата. В уже упоминавшейся в качестве показательной в данном отношении Ленинградской области сформировалась коалиция, включавшая в себя не только КПРФ, но и отдельных политиков либерально-реформаторского толка, а также крупные коммерческие структуры, заинтересованные в смене власти. И вообще, многие губернаторы добивались широкой поддержки самых разных политических сил. Свои особые позиции, отличающиеся от мнений НПСР и КПРФ, чаще всего обозначали ЛДПР и АПР с Аграрным союзом. В Саратовской области губернатор Д.Аяцков был поддержан АПР и даже рядом районных организаций КПРФ. В результате либерально-реформаторский электорат был оттеснен, благодаря чему Д.Аяцков выиграл выборы. Аграрии приняли сторону волгоградского губернатора И.Шабунина, которому, правда, этих дополнительных голосов не хватило.

На итоги выборов существенное влияние оказала и поддержка Центра. Практически у всех губернаторов нашлись свои средства для политической рекламы и оплаты "технологов" по выборам. Но перед местными властями стояла и другая, более важная задача — создание благоприятного социально-экономического фона с помощью выплаты задержанных зарплат, пенсий, пособий и пр. Решение ее зависело от федерального правительства или заинтересованных политических и экономических группировок. Многие губернаторы такую помощь получили, и это помогло им выиграть выборы или хотя бы повысить свой рейтинг. Например, огромные средства были направлены на обеспечение первой избирательной

кампании в Саратовской области для того же Д.Аяцкова, что создало иллюзию скорого решения местных проблем. Денежные вливания из Центра помогли такому "слабому" претенденту, как алтайский губернатор Л.Коршунов, резко повысить свою популярность, однако в итоге он проиграл, уступив считавшемуся явным фаворитом А.Сурикову только 3% голосов. Но многие губернаторы так и не дождались московских денег, и это ухудшило их позиции.

Кандидатам НПСР, в свою очередь, помогали агитационные поездки лидеров оппозиции. После посещения Г.Зюгановым Рязанской и Волгоградской областей, Алтайского и Ставропольского краев там усилилась поддержка заявленных им притязателен на губернаторство, в итоге одержавших верх.

В то же время обновление региональной элиты сыграло отрицательную для "партии власти" роль. Известно, что в течение 1996 г. центральные исполнительные власти произвели замену целого ряда губернаторов в надежде, что "новички" сумеют быстрее добиться доверия избирателей или переломить оппозиционные настроения в свою пользу. Но в итоге половина новых назначенцев выборы проиграла — прежде всего потому, что не успела консолидировать региональные элиты.

Важно особо отметить большие перемены, произошедшие в корпусе высших руководителей российских регионов. Он никогда не был однородным: опытные аппаратчики соседствовали в нем с "демократическими комиссарами" первого призыва, сменившими бывших обкомовцев, обвиненных в поддержке ГКЧП. Ныне к власти в некоторых регионах приходит "вторая новая волна" губернаторов (если "первой новой волной" считать "демократических комиссаров" 1991 г.), которую представляют: постсоветские управленцы, не имеющие корней в советской партийно-хозяйственной номенклатуре (самый яркий пример — Д.Аяцков); бизнесмены-хозяйственники (Л.Горбенко, В.Цветков, В.Бутов); "новые" оппозиционеры, несвязанные с прошлым режимом и номенклатурой (А.Руцкой, Е.Михайлов); военные (АЛе-бедь). Пока представителей этой "второй новой волны" в составе региональных руководителей немного, но политики этого типа все настойчивее заявляют о себе на выборах.

Интересно определить "генеалогию" 47 победителей региональных выборов. Подавляющее большинство из них — выходцы из советской партийно-хозяйственной элиты вне зависимости от того, представляют ли они ныне "партию власти" или оппозицию. Многие из них имеют высшее сельскохозяйственное или техническое образование, но по своей основной специальности практически не работали, сделав партийно-советскую карьеру и достигнув весьма высоких постов еще в советское время (после окончания, как правило, заочно, ВПШ или Академии народного хозяйства при СМ СССР). Близки к этому типу бывшие руководители крупных промобъ-единений, прошедшие также школу партийной и/или советской работы.

Из состава победителей выборов 16 политиков, или 34%, можно отнести к первому эшелону прежней партийно-советской элиты (первые секретари обкомов или рескомов КПСС, председатели облисполкомов, руководители региональных исполкомов), причем лишь четверо из них баллотировались от НПСР, один — от "третьей силы", тогда как большинство — от "партии власти".

Второй эшелон партийно-советской номенклатуры представляют 9 человек, или 19 % (имеются в виду политики, занимавшие в прошлом должности секретаря обкома КПСС, заместителя председателя облисполкома, первого секретаря горкома КПСС регионального центра или крупного промышленного города, председателя областного или республиканского совета и т.п.), причем семеро из них были выдвинуты "партией власти". От оппозиции баллотировался только бывший зампред крайисполкома А.Суриков в Алтайском крае. Еще один новый губернатор от этой группы — Ю.Евдокимов в Мурманской области — выступал в качестве "третьей силы", представляя КРО.

К третьему эшелону партийно-советской элиты можно отнести 11 победителей местных выборов, или 23% (партийные, советские, исполкомовские руководители

районного уровня, региональные комсомольские руководители, мелкие парторботники и т.п.). Здесь уже абсолютно преобладают главы исполнительной власти, выдвинутые КПСР (8 из 11).

Всего выходцев из бывшей партийно-советской элиты среди победителей местных выборов было 36 человек — три четверти новых губернаторов (президентов субъектов РФ): 21 баллотировался от "партии власти", 13 — от КПСР, 2 — от "третьей силы".

Среди прочих новых глав субъектов РФ можно выделить представителей бывшей советской экономической элиты регионов, т.е. "чистых хозяйственников" — их четверо. В основном они баллотировались в качестве "третьей силы", и только Н.Максюта, экс-директор завода, представлял левую оппозицию.

Явных "новичков", не имеющих корней в региональных элитах образца 1990—1991 гг., среди победителей оказалось семеро: двое — выходцы из армейской среды (А.Руцкой и А.Лебедь), один был прокурором и заместителем председателя облсовета (В.Шершунов), нынешний псковский губернатор (Е.Михайлов) являлся в то время депутатом Моссовета и учился в аспирантуре МГУ и т.д.

Поскольку практически все победители от "партии власти" (21 из 23) являются представителями бывшей партийно-советской региональной элиты, причем в основном ее верхних слоев, а половина победителей от КПСР (8 из 16) относится к третьему эшелону прежней региональной элиты, значит, центральная исполнительная власть фактически "отстояла" множество региональных лидеров советского периода, в то время как "народные патриоты" привели к власти их новую смену в лице менее заметных деятелей прежней эпохи, которые, в отличие от их "перестроившихся" высокопоставленных коллег, в меньшей мере, видимо, смогли так или иначе "поступиться принципами". О "реванше" бывших региональных руководителей под флагом КПСР можно говорить только в четырех случаях (И.Шабанов в Воронеже, В.Сударенков в Калуге, Н.Кондратенко в Краснодаре, П.Сумин в Челябинске). Нельзя утверждать также, что "губернаторы от КПСР" представляют старшее поколение в сравнении с губернаторами от "партии власти": средний возраст тех и других оказался одинаковым — 51 год.

Таким образом, губернаторские выборы почти не изменили "генетический" код российской региональной элиты — борьба велась в основном между "агентами" старой партийно-советской элиты, и смена власти чаще всего означала либо восстановление позиций прежних руководителей с помощью КПСР, либо вытеснение первого и второго эшелона номенклатуры третьим ее слоем — советскими хозяйственниками и "новичками". Значит, произошло весьма своеобразное обновление региональной элиты.

Прямые выборы глав исполнительной власти в регионах создают, на наш взгляд, совершенно новые условия как для дальнейшего развития российского федерализма и более благоприятных отношений между Центром и субъектами Федерации, так и для нового баланса интеграционных и дезинтеграционных тенденций. С приобретением качественно новой легитимности губернаторы, несомненно, стали гораздо более независимыми от официальной Москвы. При этом нескольким регионам грозит опасность превращения в вотчины самовластных правителей, которые вершат в них суд по своему усмотрению, контролируя законодательную власть и назначая всех иных местных руководителей сверху донизу или влияя на их избрание.

Позиции вновь избранных глав исполнительной власти более прочны хотя бы потому, что они по преимуществу соответствуют локальным политическим настроениям. Так что у губернаторов может возникнуть искушение проводить собственную экономическую линию, направленную на уменьшение финансовой зависимости от Москвы, в частности, пересмотреть итоги приватизации "в пользу" региона либо изыскивать какие-то другие — местные — резервы упрочения самостоятельности региона. Не исключены попытки отдельных губернаторов и впредь

добиваться от Центра, подвергая испытанию на прочность федеральные узы, специальных льгот — послаблений в налогообложении, особых тарифов, квот на экспорт и доходов от него и т.д. Вполне вероятно, что продолжится, даже усилится и такое "совершенствование" местного законодательства, которое в отдельных важных аспектах будет опровергать общероссийские нормы в целях легализации автономии субъекта Федерации от ее Центра. Всенародно избранные главы администраций, несомненно, будут объединяться на более широкой региональной основе (по принципам экономической взаимодополняемости и географической близости) и на базе общности интересов (возможно блокирование "красных" регионов). Уже сейчас просматривается коалиция руководителей регионов-доноров во главе с КХЛужковым и Б.Немцовым, хотя ее будущая прочность под вопросом, ведь у каждого сравнительно богатого региона — свои отраслевые и прочие интересы. На другом фланге вероятно объединение регионов-реципиентов для лоббирования своих интересов, причем вне зависимости от партийно-политической ориентации локальных властей.

Прямые выборы губернаторов потенциально могут способствовать усилению дезинтеграционных, по типу децентрализаторских, тенденций, но и для этого нужны определенные объективные (например, усиление общефедерального бюджетного кризиса) и "субъективные" условия — отсутствие у Москвы политической воли, дальнейшее дробление федеральной правящей элиты или неуспех ее попыток создать систему, ограничивающую всевластие руководства в регионах. Вместе с тем, политические элиты подавляющего большинства регионов хотели бы избежать нестабильности, обусловливаемой этнонациональными и сепаратистскими устремлениями.

Некоторые представители федерального Центра, комментируя результаты осенне-зимних выборов 1996—1997 гг., стремились представить их как малозначимое событие, не внесшее заметного изменения в общероссийскую политическую ситуацию. А между тем произошла не только количественная, но и качественная ротация региональных элит: уменьшился уровень их подконтрольности Центру, губернаторский корпус в целом несколько "полевел" и стал самостоятельнее. Происходят изменения не только в отношениях между Центром и регионами, но и политического состояния самих регионов. В тех субъектах Федерации, где власть сменилась, назревают новые конфликты, связанные либо с противостоянием элит, либо с появлением контрэлит. Например, результаты прошедших во многих регионах, наряду с губернаторскими, выборов глав районных и городских администраций зачастую не совпадают (характерна ситуация, когда губернаторские выборы выигрывал оппозиционер, а выборы мэра — действующий руководитель). При этом многие проигравшие не намерены сдавать свои позиции. Некоторые губернаторы почувствуют большее давление со стороны местных законодателей, лоббистских групп и т.д. В ряде регионов уже сформировались или начинают складываться потенциально противостоящие губернаторам политические кланы. Таким образом, губернаторские выборы обозначили серьезные сдвиги в региональном политическом процессе России, заставляя задуматься об ее действительном состоянии как федерального государственного образования.